

Н

а прибрежных просторах Эссекса, между местечком Челмбери и старым рыбацким поселком Уикелдрот, простираются Великие Топи. Дикая местность, один из последних нетронутых человеком уголков Англии. Обширные земли, поросшие травой и камышом, вблизи беспокойного моря сменяются солончаками, илистыми отмелями и небольшими водоемами, заполняемыми во время прилива.

Маленькие болотца и устья извилистых речушек прорезают этот край, который словно дышит, опускаясь и вздымаясь во время приливов и отливов. Суровая и пустынная местность, где одиночество ощущается особенно остро, а в воздухе слышны крики птиц, которые селятся на болотах. Кроншнепы, травники, чайки, дикие гуси и утки бродят по топям и ищут пищу в прибрежных водоемах. Здесь вы не встретите людей, разве что местного птицелова или рыбака, собирающего устриц; их промысел не изменялся со времен норманнского завоевания.

В зимние дни холодное темное небо отражается в прибрежных водах и болотах, и все вокруг окрашено в серые, синие, светло-зеленые цвета. Но бывают моменты, когда небеса на закате или рассвете объаты пламенем, и розово-золотой свет заливают землю.

Рядом с притоком извилистой речушки Элдер расположена старая дамба, которая защищает сушу от жадного моря. Она вдаётся вглубь солончаков на три мили от Ла-Манша и потом поворачивает на север. В этом месте стена разрушена, и в образовавшуюся брешь ворвалось море, затопив все на своем пути.

Кое-где над водой выступают камни, словно буйки, указывающие на развалины старого маяка. Когда-то он освещал сигнальными огнями побережье Эссекса, но потом время изменило лик суши и моря, и маяк стал никому не нужен.

Не так давно в нем жил одинокий человек. Несмотря на то, что тело его было искалечено, в его душе жила любовь к диким и затравленным существам. Будучи сам уродливым, он творил прекрасное. Именно о нем и о девочке, сумевшей разглядеть то, что скрывалось за отталкивающей внешностью, написана эта история.

Не так-то просто рассказать эту историю целиком, от самого начала до конца. События, о которых пойдет речь, были взяты из разных источников, записаны со слов разных людей. Море поглотило те места, а большая белая птица, которая знала всю правду, вернулась в страну белого безмолвия.

В конце весны 1930 года на заброшенном маяке в устье реки Элдер поселился Филипп Райадер. Он купил не только маяк, но и прилегающие к нему обширные болота и солончаки.

Круглый год он жил и трудился там в полном одиночестве. Филипп Райадер был художником и рисовал природу и птиц. Он неспроста сторонился людей: раз в две недели он приходил в Челмбери за продуктами, и местные жители косо смотрели на его уродливый горб, худую изуродованную руку, которая была вывернута в запястье, словно птичья лапа.

Однако вскоре они привыкли к «этому странному художнику с маяка» — невысокому, но крепкому мужчине с горбом, искривленной рукой и сверкающими глазами.

Физические недостатки часто порождают ненависть в сердцах людей, но Райадер любил и понимал людей, животных и всю природу.

Он привык к собственному уродству, но страдал от насмешек людей. Он жил отшельником, потому что его чуткость и доброта не нашли отклик со стороны окружающих. Райадер избегал женщин, мужчина мог бы стать его другом, если бы попытался понять его. Но ему пришлось бы перебороть себя, и эта мысль была для Райадера невыносима.

Ему было двадцать семь лет, когда он поселился на Великих Топях. До этого Филипп Райадер много путешествовал и отчаянно сражался с предрассудками, но потом понял, что люди никогда не примут его, и решил жить в уединении. И все же он оставался обычным человеком, только с тонким восприятием мира и чуткостью женщины.

Его одиночество скрашивали птицы, живопись и лодка, на которой он ходил с потрясающим мастерством. Вдали от любопытных глаз он ловко управлял своим суденышком, помогая себе искривленной рукой, и даже пускал в ход зубы, чтобы удерживать парус при порывистом ветре.

Он плавал в прибрежных водоемах и речках, выходил на несколько дней в море, пытаясь сфотографировать или зарисовать новые виды пернатых. Он научился ставить силки на птиц, и потом они жили у него в вольере рядом с мастерской, которая была святой святынь его прибежища.

Райадер никогда не стрелял птиц, а птицеловы обходили его владения стороной. Он с добротой относился к птицам, и те привыкали к нему.

В его вольерах жило много ручных птиц: гуси из Исландии и со Шпицбергена, которые прилетали большими, шумными стаями в октябре; белошекие казарки с темными грудками и с черно-белыми полосками на крыльях; кряквы и чирки.

У некоторых из них были подрезаны крылья, и они жили у него круглый год, чтобы дикие птицы знали, где можно найти приют и корм.

Сотни птиц зимовали с ним, а весной улетали гнездиться на север. Райадер был рад думать, что когда бушуют шторма, стоят сильные морозы или вдали стреляют охотники, его птицы в безопасности. Эту заповедную землю он создал не только своими руками, но и вложил в нее душу; птицы знали это и доверяли ему.

Весной они улетали, внимая голосу природы, но осенью снова возвращались к нему. Осенний воздух наполнялся гоготом и курлыканьем, пти-

цы кружили над старым маяком и опускались, чтобы опять погостить у него. Многих птиц Филипп Райадер помнил еще с прошлых зим.

Райадер был счастлив, ибо понимал, что стал частью их жизни, что, когда задуют холодные ветра, и небо станет серым, память о нем и о его убежище обязательно приведет их к нему.

Другой его страстью была живопись. Он любил рисовать этот дикий край и его обитателей. Но до нас дошли лишь немногие из его картин. Райадер ревностно оберегал свои творения и хранил их у себя на маяке. Будучи художником, он стремился к совершенству, поэтому многие свои картины он считал слабыми.

Но те, что сохранились — настоящие шедевры. Они наполнены светом и красками прибрежных вод, ощущением полета и шумом крыльев, рассекающих утренний ветер. Он смог передать одиночество и запах соли, бесконечность вековых топей и шепот камыша на ветру, пугливых зверьков и птиц, что прячутся от лунного света.

Однажды в ноябре на маяк, в котором Филипп Райадер жил уже три года, пришла девочка. Она пришла по дамбе, неся на руках свою ношу.

Ей было лет двенадцать; худенькая, чумазая и робкая, словно птица, светловолосая и с глазами фиалкового цвета, она была похожа на болотную фею.

Девочка ужасно боялась Райадера, ведь о нем ходили разные слухи, а местные птицеловы ненавидели его за то, что он мешал их промыслу.

Но как бы ни силен был ее страх, она пришла на маяк, потому что, как и местные жители, верила: этот мрачный и нелюдимый человек может чудесным образом лечить раненых существ.

До этого она никогда не видела Райадера и чуть не убежала, когда он, услышав ее шаги, показался в дверях студии — темная фигура с бородой, жутким горбом и скрюченной рукой.

Она замерла на месте и смотрела на него, как пугливая птица, которая вот-вот взлетит.

— Что случилось, девочка? — спросил он. Его голос был глубоким и мягким.

Девочка стояла неподвижно, но затем неуверенно шагнула вперед. На руках она держала большую белую птицу. На белоснежном оперении неподвижной птицы и на одежде самой девочки виднелись пятна крови.

Девочка передала птицу на руки Райадеру.

— Я ее нашла, сэр. Ее ранили. Но она жива, да?

— Думаю, да. Входи, девочка.

Райадер понес птицу в дом, положил ее на стол; та слабо шевельнулась. Любопытство пересилило страх, и девочка вошла в комнату. Внутри было тепло от пылающего камина, а на стенах висело много картин.

Птица беспокойно забила крыльями. Здоровой рукой Райадер расправил ее большое белое крыло с черной каймой и удивленно посмотрел на девочку.

— Где ты нашла ее? — спросил он.

— На болотах, сэр, где ходили охотники. А что это за птица?

— Это белый гусь, они обитают в Канаде. Вот только как он попал сюда?

Похоже, слово «Канада» девочке ни о чем не говорило; ее фиолетовые глаза были прикованы к раненой птице.

— Вы ее спасете, сэр? — спросила она.

— Да, да, — ответил Райадер. — Мы попытаемся. Давай, ты мне можешь.

Он взял лежащие на полке ножницы и бинты для накладывания шины и стал ловко орудовать ими, помогая себе больной рукой.

— Бедняжку подстрелили, у нее сломана лапка и слегка подбито крыло. Мы подрежем ей маховые перья, чтобы наложить повязку, вот так, видишь? Весной перья у нее отрастут, и она снова сможет летать. Крыло мы прибинтуем к туловищу, чтобы она не раскрывала его, пока все не срастется; потом наложим шину на лапу.

Позабыв свои страхи, девочка зачарованно смотрела за его умелой работой, кроме того, он рассказал ей удивительную сказку.

Птице было не больше года. Она родилась в далекой северной стране за океаном, которая принадлежит Англии. Пытаясь спастись от снега и ледяного холода, она полетела на юг, но попала в ужасную бурю. Ветер был сильнее ее крыльев, он схватил бедняжку и закружил, бросая из стороны в сторону. Несколько дней и ночей птица не могла вырваться из этого плена, пока, наконец, буря не ослабила свою хватку. Природное чутье снова направило ее на юг, и она попала в неизведанные земли, где летали чужие птицы. Измученная, она решила опуститься на вольготно раскинувшиеся зеленые просторы, но попала под пули охотников.

— Неподобающий прием для прилетевшей с визитом принцессы, — добавил в заключение Райадер. — Мы назовем ее «*La Princesse Perdue*» — Заблудившаяся Принцесса. Она скоро пойдет на поправку. Сматри!

Он достал из кармана горсть зерна и поднес ее к птице — та сразу же открыла свои круглые желтые глаза и принялась клевать.

Девочка радостно засмеялась, но, вспомнив, где она находится, выбежала из комнаты, не сказав ни слова.

— Подожди! Подожди! — закричал Райадер и бросился к двери; он остановился на пороге, где дверная рама словно обрамляла его мрачную фигуру. Девочка уже бежала по дамбе, но, услышав его, остановилась и оглянулась.

— Как тебя зовут? — прокричал Райадер.

— Фрит.

— Как? — переспросил Райадер. — Фрита, наверное? Где ты живешь?

— В Уикелдроте, где живут рыбаки, — ответила она с местным акцентом.

— Придешь завтра посмотреть на Принцессу?

Девочка стояла в нерешительности, и снова Райадер вспомнил птиц, которые при опасности замирают на долю секунды, прежде чем расправить крылья и взлететь.

Но затем до него долетел ее тоненький голосок: «Да!»

Она побежала, и ее светлые волосы развевались на ветру.

Снежный гусь быстро поправился и к середине зимы уже ходил, прихрамывая, вместе с другими птицами по вольере; он научился спешить на голос Райадера, зная, что тот будет их кормить. А девочка по имени Фрита, или Фрит, как она сама себя называла, стала часто приходиться на маяк. Она уже не боялась Райадера. Ее воображение заполнила необыкновенная снежно-белая принцесса из далекой страны за морем. Фрита видела эту страну на карте, которую ей показал Райадер. По ней они вместе проследили путь, по которому сквозь шторма птица прилетела из родной Канады — розового пятна на карте — до их Великой Топпи.

Однажды в июне, стая откормившихся за зиму гусей поднялась в утреннее небо, отвечая зову далеких земель, и стала медленно кружить в воздухе. В лучах летнего солнца засверкали белые с черной каймой крылья. Снежный гусь улетал вместе с ними. В тот момент Фрит была на маяке, и на ее крик из студии прибежал Райадер.

— Глядите! Наша Принцесса! Неужто она улетает? — спросила она.

— Ага, — ответил Райадер, незаметно для себя копируя ее манеру речи. Он смотрел на небо, где птицы собирались в стаю. — Принцесса возвращается домой. Слышишь? Она говорит нам «до свидания».

Небо огласилось печальным гогогом, но звонкий и отчетливый клик снежного гуся зазвучал над всеми остальными. Птицы выстроились клином и полетели на север, постепенно становясь все меньше и меньше, пока совсем не исчезли из виду.

Снежный гусь улетел, и Фрит перестала приходить на маяк. И Райадер снова узнал, что такое одиночество.

В то лето он по памяти нарисовал портрет худенькой девочки: на руках она держала раненую белую птицу, и осенний ветер трепал ее светлые волосы.

Но в середине октября случилось чудо. Райадер кормил птиц в вольере. Дул холодный северный ветер; земля вздыхала, предчувствуя надвигающийся прилив. В шуме ветра и моря он уловил звонкий птичий призыв. Сначала он увидел лишь огромную стаю птиц, но вот в вечернем небе мелькнули белые с черной каймой крылья. Белоснежное видение сделало круг над маяком и опустилось во дворе. И вот уже снежный гусь собственной персоной важно шагает к Райадеру, словно он никуда и не улетал, и ждет, когда его покормят. Снежный гусь! Разве можно его не узнать?! Слезы радости блеснули в глазах Райадера. Где же он был? Конечно, не в Канаде; должно быть он провел лето в Гренландии или на Шпицбергене вместе с другими гусями. Но он вернулся, помня о Райадере и его прибежище.

Когда Райадер в следующий раз пошел за покупками в Челмбери, он попросил начальницу почтового отделения передать Фрите его слова, которые привели женщину в полное недоумение. «Скажите Фрит из Уикелдрота, что Заблудившаяся Принцесса вернулась», — сказал он.

Три дня спустя Фрит, повзрослевшая, но такая же робкая и растрепанная, пришла на маяк, чтобы навестить *La Princesse Perdue*.

Время не стояло на месте, на Великих Топях его ход отмечался на циферблате жизни неспешной сменой времен года, перелетами птиц, высотой приливов, а для Райадера еще и встречами и прощаниями со снежным гусем.

Где-то далеко мир кипел и бурлил, словно лава в жерле вулкана; гибель и уничтожение были неминуемы. Но пока эти тревожления не коснулись Райадера и Фриты. Даже когда девочка подросла, их жизнь шла по натопанной колее. Снежный гусь прилетел на маяк — значит, придет и Фрита. Она многому научилась у Райадера: они плавали на его быстрой лодке, которой он искусно управлял; ловили птиц и строили для них новые вольеры. Благодаря Райадеру она выучила все виды птиц, от обыкновенной чайки до кречета. Иногда она готовила ему еду или даже смешивала краски.

Но когда снежный гусь улетал на лето, между ними словно вставал невидимый барьер, и она не приходила на маяк. Одной осенью гусь не

прилетел, и сердце Райадера было разбито. Все вокруг потеряло для него всякий смысл. В ту зиму и следующим летом он много рисовал, и ни разу не видел девочку. Но осенью он услышал знакомый клик — снежный гусь, теперь уже крупная взрослая птица, опускался на землю. И это было чудо, как и несколько лет назад. Радостный Райадер тут же поплыл на своей лодочке в Челмбери, чтобы оставить на почте сообщение для Фриты.

К его удивлению, прошло больше месяца, прежде чем Фрит пришла на маяк. И тогда потрясенный Райадер увидел, что она уже больше не маленькая девочка.

После целого года, проведенного где-то в чужих землях, гусь стал почти ручным: улетал совсем ненадолго, ходил за Райадером по пятам и даже был с ним в студии, когда тот рисовал.

Весной 1940 года птицы рано улетели с Великой Топи. Мир был в огне; рев и гул бомбардировщиков, грохот взрывов пугали их. В первый день мая Фрит и Райадер стояли плечом к плечу на дамбе и смотрели, как стая гусей и казарок поднимается в небо и покидает их заповедный уголок. Она — стройная и высокая, свободная, как ветер и прекрасная, словно призрачная болотная фея; он — массивная, нелепая фигура с горящими темными глазами, прикованными к улетающим птицам.

— Смотрите, Филипп, — сказала Фрит.

Райадер проследил за направлением ее взгляда. Расправив огромные крылья, снежный гусь поднялся в воздух. Но летел он низко и, приблизившись к ним, будто бы хотел дотронуться до них крыльями, поэтому на секунду Фриту и Райадера накрыла волна воздуха. Круг над маяком... еще один... потом гусь опустился на землю рядом с птицами, у которых были подрезаны крылья, и направился к кормушке.

— Она не улетает, — заметила Фрита, и в ее голосе звучало благоговение. Казалось, что пролетая, птица накинула на нее волшебную сеть. — Принцесса собирается остаться.

— Да, — сказал Райадер, и голос его дрогнул. — Она останется. И никогда больше не улетит. Она уже не Заблудившаяся Принцесса — теперь у нее есть дом. Она осталась по своей воле.

Чары были разрушены; внезапно Фрит поняла, что боится, и причина ее страха кроется во взгляде Райадера — во взгляде, полном тоски, одиночества и невысказанного, глубокого чувства.

Его слова эхом отдавались у нее в голове, как будто он снова повторил их: «Теперь у нее есть дом. Она осталась по своей воле». Тонкое природное чутье Фриты подсказало ей то, о чем он, ощущая себя уродливым, не мог рассказать. Если бы он заговорил, то, возможно, успокоил бы ее, но его молчание и тяжесть невысказанных слов еще больше напугали ее. Ее женское начало приказывало ей бежать от того, что она еще не могла понять.

— Я... я должна идти. До свидания! Хорошо, что Принцесса остается. Вам не будет так одиноко.

Она повернулась и пошла прочь, и его печальное «До свидания, Фрит» растаяло в шуме камышей и трав. Она решила оглянуться, только когда была уже далеко. Райадер все еще стоял на дамбе — маленькая точка на фоне неба.

Страх прошел, но ему на смену пришло странное чувство потери; оно было настолько острым, что Фрит на мгновение остановилась. Потом она медленно продолжила свой путь, оставляя позади врезающийся в небо маяк и человека, что жил там.

Примерно через три недели Фрит снова пришла на маяк. Был конец мая; стояли золотые сумерки, но на востоке уже показалась серебряная луна.

По дороге она говорила себе, что должна убедиться, правда ли снежный гусь решил остаться. Возможно, он все-таки улетел. Она нетерпеливо шагала по дамбе, и то и дело ее решительный шаг сменялся бегом.

Фрит заметила желтый огонек на маленьком причале Райадера и, подойдя, увидела его там. Его лодка мягко покачивалась на волнах прилива, а сам он грузил на борт все необходимое в плавание: воду, бренди, продукты, канат и запасной парус. Он обернулся на звук ее шагов, и Фрит увидела, что он был бледен, и его темные глаза, обычно такие добрые и спокойные, горели от волнения, а дыхание сбивалось.

Внезапный страх охватил Фриту, она даже позабыла про снежного гуся.

— Ты уплываешь, Филипп?

Райадер перестал загружать вещи в лодку и поздоровался с ней. Фрит никогда не видела его таким: сейчас его глаза и лицо были освещены внутренним светом.

— Фрит! Я рад, что ты пришла. Да, мне предстоит небольшое путешествие, но я вернусь. — Его мягкий голос звучал хрипло и подавленно.

— Куда же ты отправляешься? — спросила Фрит.

Тогда слова потоком хлынули из Райадера: ему надо в Дюнкерк; там, за сотни миль через Ла-Манш, британские войска оказались блокированными на побережье. Немецкие части наступают и вот-вот уничтожат их; порт в огне, положение безнадежное. Он услышал об этом, когда ходил в деревню за покупками. В ответ на призыв правительства мужчины отплывали из Челмбери в Дюнкерк: лодки, буксиры, все суденышки, способные плыть, спешили через Ла-Манш, чтобы спасти солдат из-под огня, переправить их на транспортные корабли и эсминцы, которые не могли зайти на мелководье.

Фрит слушала его и чувствовала, что ее сердце перестает биться. Он говорил, что поплывет через Ла-Манш на своей маленькой лодочке. Он сможет взять на борт шесть, максимум семь человек, и он собирается сделать несколько рейсов.

Фрит была всего лишь простой неграмотной девушкой; она не знала ни о ходе войны, ни о положении войск, попавших в окружение, но сердце подсказывало ей, что там опасно.

— Филипп! Ты должен плыть? Ты ведь не вернешься. Почему именно ты?

После первого потока слов лихорадочное состояние, казалось, покинуло Райадера, и он попытался объяснить ей все другими словами.

— Люди сгрудились на берегу, как загнанные птицы, Фрит, — сказал он. — Сейчас они — раненые птицы, которых мы находили с тобой и приносили в вольеры. Над ними кружат самолеты, словно железные ястребы и сапсаны, и негде укрыться от их хищных когтей. Буря смела их, они в панике, они заблудились, как когда-то *Princesse Perdue*, которую ты нашла на болотах и принесла ко мне много лет назад, и которую мы спасли. Им нужна помощь, как и нашим птицам, моя милая, вот почему я должен плыть. Мне это под силу. Да, я смогу. Наконец-то я смогу поступить как мужчина и внести свой вклад.

Фрит смотрела на Райадера. Он сильно изменился. Внезапно она поняла, что он больше не уродлив и нелеп, а красив. Тысяча слов громоздилась в смятении в ее сердце, но она не знала, как произнести их.

— Я поплыл с тобой, Филипп.

Райадер покачал головой.

— Ты займешь место в лодке, а это будет означать, что мы не сможем взять какого-то солдата, потом еще одного, и еще, и еще. Я должен плыть один.

Он надел свой прорезиненный плащ, сапоги и прыгнул на борт. Он помахал рукой и крикнул: «До свидания! Присмотришь за птицами, Фрит?»

Она слабо взмахнула рукой на прощание.

— Удачи! Я присмотрю за птицами, — крикнула она на местном диалекте. — Да поможет тебе Бог, Филипп.

Наступила светлая ночь; на небе горели звезды, и сверкал осколок луны. Фрит стояла на дамбе и смотрела, как парус Райадера скользит по волнам. Внезапно позади Фрит раздался шелест крыльев, и что-то быстро пронеслось мимо нее. В ночном свете сверкнули белые крылья и вытянутая вперед шея снежного гуся.

Он поднялся выше, сделал круг над маяком и полетел к заливу, где крепнущий бриз гнал вперед парус Райадера. Подлетев, он стал кружить вокруг лодки.

И очень долго были видны белый парус и белая птица.

— Присмотри за ним. Присмотри за ним, — шептала Фрита. Когда наконец они скрылись из виду, она повернулась и медленно пошла на пустой маяк.

С этого момента история будет состоять из обрывков фраз, чужих разговоров, таких, например, как тот, что произошел в пабе «Корона и стрела», где было полно солдат-отпускников.

— Гусь, самый настоящий гусь, ей-богу, — сказал рядовой Поттон из Лондонского пехотного полка Его Величества.

— Да ну, — проворчал кривоногий артиллерист.

— Гусь, это точно был гусь. Джок его тоже видел. Гусь стал спускаться к нам прямоком из вонючего дыма над Дюнкерком. Он был белый, только крылья чуток черные. Потом он принялся кружить над нами, как какой-нибудь бомбардировщик. Джок говорит: «Мы пропали. Это ангел смерти прилетел за нами». — «Не, — говорю я. — Это просто гусь; прилетел из родных краев, да еще и с посланием от самого Черчилля, как нам здесь отдыхается. Знак это, самый настоящий знак, мы выберемся из этой передраги, дружище». Наши войска сбились на берегу, как голуби на Набережной Виктории; мы были легкой добычей для немцев. Они окружили нас с трех сторон, да еще и авиация бомбила. Повсюду снаряды рвутся, бомбардировщики пикируют. В миле от берега стояла «Кентская дева», я на ней летом из Маргита несколько раз плавал, но подойти она ближе не может — на мель сядет. Окопались мы, значит, на берегу, к лодкам никак не подобраться, и тут «Юнкерс» на нас пикирует, бомбы в воду попали — фонтаны до неба, как в королевском дворце, то еще зрелище. Затем подошел наш эсминец и задал ему жару, но тут подоспел еще один фриц, и бомба попала в корабль. Прежде чем затонуть, он загорелся, и на нас потянуло желтовато-черной гарью; и гусь-то этот прямо из дыма вынырнул и стал кружить над нами. А потом на маленькой лодчонке, ну словно фронт на увеселительной речной прогулке, плывет он.

— Кто плывет? — переспросил кто-то из местных.

— Он. Человек, который спас многих из нас. Вокруг все кипело, как

в котле: немцы нас бомбят и огнем поливают, лодка из Рамсгита, что должна была нас забрать, потонула; но он спокойненько плывет себе. Он зашел на мелководье — вынырнул прямо из темного дыма с подбитого корабля — и мы смогли его разглядеть: невысокий, горбатый, темноволосый, одна рука была изувечена и не работала, но он махал ею, подзывая нас. В зубах он зажал канат, а здоровой рукой ухватился за румпель. А над ним все летал этот гусь. Джок говорит: «Ну, вот и все. Это сам дьявол пришел за нами. Мы, наверно, сами не заметили, как на том свете очутились». — «Хватит тебе, — говорю я. — Это скорее сам Господь Бог». Бледное лицо, темные глаза, борода, плывет на лодке — я сразу вспомнил картинки в книжке для воскресной школы. «Я могу взять семерых за раз», — кричит он, подплывая ближе. «Отлично, — кричит наш командир. — Вы, семеро, живо в лодку». Мы зашли в воду и добрались до его лодки. У меня не было сил даже влезть на борт, но он схватил меня за шиворот и втащил в лодку. «Сюда, дружище, — говорил он. — Давай же, а теперь ты». Потом он поставил весь дырявый от пуль парус и кричит: «Ложитесь на дно лодки, ребята, а то вдруг наткнемся на ваших друзей». Мы затаились; а сам он, зажав в зубах канат, сидел на корме и здоровой рукой направлял лодку. Батарея береговой обороны вела огонь, но мы плыли вперед. Над нами все кружил и кружил белый гусь, и его крик заглушал шум ветра и рев самолетов. «Я же говорил тебе, что гусь — это добрый знак, — сказал я Джок. — Погляди на него — ни дать ни взять ангел-спаситель». А парень, который спас нас, ведем свою лодку, поглядывает на гуся и улыбается ему, словно давнему знакомому. Он доставил нас на борт «*Кентской девы*» и поплыл обратно за новой партией людей. Он перевозил солдат весь день и всю ночь, город горел, и зарево пожара освещало все вокруг. Не знаю, сколько раз он так плавал, но его лодка вместе с моторкой из яхт-клуба на Темзе и спасательным ботом из Пула доставили всех людей с нашего рубежа обороны. Когда мы отплыли, на судне было семьсот человек, хотя оно было рассчитано только на двести. Наш парень помахал нам рукой на прощание и поплыл в сторону Дюнкерка, и птица полетела за ним. Странное это было зрелище: большой белый гусь кружит вокруг лодки, освещенной заревом пожара, как ангел в клубах дыма. Когда мы плыли, на нас напали два «Юнкерса», но нам удалось ускользнуть, и к утру мы вернулись домой целыми и невредимыми. Что стало с тем парнем? Кто он был такой? Я так и не смог узнать. Парень этот был по-настоящему хорошим человеком.

— Да... и гусь, — сказал артиллерист. — Кто знает, что с ним стало?

В клубе офицеров на Брук-стрит капитан Кит Брилл-Одинер, шестидесятипятiletний отставной офицер военно-морского флота, рассказывал об эвакуации под Дюнкерком. Его разбудили в четыре часа утра, и он повел буксир с баржами через Ла-Манш. Четыре раза он возвращался в родной порт, перевозил солдат, и в последний раз его судно пришло без трубы и с пробоиной в борту, но он все же смог добраться на нем до Дувра.

— А вы не слышали необычную историю о диком гусе? — спросил капитан резерва военно-морских сил, раньше имевший под своим началом три судна: два небольших траулера и дрейфтер, который взорвался в последние дни эвакуации. — Об этом только и говорили. Такие истории быстро распространяются. Люди, которых я перевозил на своем судне, рассказали об этом гусе. Похоже, он появлялся между Дюнкерком и Де-Панне. Если увидишь его, то обязательно останешься жив.

— Хм... дикий гусь, — сказал Брилл-Одинер. — Я видел только прирученного гуся. Мы благодаря ему спаслись. Удивительная история, хотя и печальная. Я сейчас вам все расскажу. Мое судно с солдатами в третий раз шло домой. Около шести часов мы заметили небольшую пустую лодку. В ней, по-видимому, лежало тело. На краю лодки сидела птица. Подойдя ближе, мы изменили курс, чтобы посмотреть, в чем дело. Боже правый, это действительно был человек. Точнее его тело. Беднягу смертельно ранили; лежал он лицом в воду. Птица была прирученным гусем. Когда мы проплывали совсем рядом, один из парней попытался добраться до них, но гусь зашипел и забил крыльями. Так и не смогли его отогнать. Внезапно один из моих ребят закричал, показывая на воду — за правым бортом плавала немецкая мина. Если бы мы шли прежним курсом, то обязательно напоролись бы на нее. Брр! Когда мы отплыли от нее на сотню ярдов, то взорвали ее, расстреляв из винтовки. Потом мы вспомнили о лодке, которую нашли, но ее уже не было. Затонула от взрывной волны. И парень тот вместе с ней. Птица поднялась в воздух и сделала три круга, словно отдавая честь. Жуткое зрелище. Потом она полетела на запад. Хорошо, что мы решили тогда уклониться от курса и посмотреть. Странно, что вы упомянули о гусе.

Фрита в одиночестве проводила дни на маяке, присматривая за птицами. Неизвестность томила ее, и поначалу она подолгу стояла на дамбе, всматриваясь вдаль, хотя и знала, что это бесполезно. Однажды она решила рассмотреть полотна, на которых Райадеру удалось запечатлеть удивительно легких, изящных птиц и безошибочно передать цветовую гамму и атмосферу этого пустынного и сурового края.

Среди этих картин Фрит нашла и свой портрет, написанный Райадером по памяти много лет назад: на пороге стоит маленькая девочка с развевающимися на ветру волосами и держит на руках раненую птицу.

Эта картина глубоко взволновала ее, ибо в нее Райадер вложил всю свою душу. Удивительно, но он никогда больше не рисовал снежного гуся — свободное, дикое существо, бегущее от штормовых ветров. Благодаря снежному гусю каждый из них обрел друга, и именно он принес весть о гибели Райадера.

Но задолго до того, как гусь стал спускаться на фоне багрового неба, чтобы попрощаться в последний раз, Фрита уже знала, так как древнее, первобытное чувство подсказало ей, что Райадер не вернется.

Поэтому, когда в вечернем небе раздался знакомый гусиный крик, у нее не возникло ложной надежды; казалось, что этот момент она прожила уже много раз. Она побежала на дамбу и стала смотреть... нет, не на море, откуда должен бы был показаться парус, а на небо, где кружила птица. Белоснежный гусь, чьи крылья сверкали в лучах заходящего солнца, окружающие звуки и одиночество, разлитое по этой местности, нахлынули на нее, внутри что-то словно сломалось, и полились слезы, освобождая глубокое чувство любви.

Мятущаяся душа рвалась к другой, и ей казалось, что она летит вместе с этой огромной белой птицей, что это она парит в вечернем небе, внимая посланию Райадера.

Небо и земля были наполнены его криком: «Прощай, Фрит! Прощай, моя дорогая!» Белые с черной каймой крылья били по ее сердцу, и она ответила: «Филипп, я люблю тебя».

На какой-то момент ей показалось, что снежный гусь собирается при-

землиться рядом со старыми вольерами, где приветливо гоготали другие гуси, но он лишь пронесся близко над землей, потом взмыл вверх, сделал большой круг над маяком и стал подниматься высоко в небо.

Фрит смотрела на него, и для нее это была душа Райадера, которая решила попроситься, прежде чем улететь навсегда.

Но она уже не летела вместе с гусем, она была прикована к земле. Фрит вытянула вперед руки и, поднявшись на цыпочки, закричала: «Счастливого пути, Райадер! Да поможет тебе Бог!»

Слезы высохли на ее лице. Снежный гусь уже улетел, но она еще долго стояла и молча смотрела ему вслед. Затем она вернулась на маяк и взяла картину, которую Райадер нарисовал для нее. Прижимая ее к себе, она пошла домой вдоль старой дамбы.

Каждый вечер в течение многих недель Фрит приходила на маяк и кормила птиц, пока однажды немецкий пилот во время утреннего рейда не принял маяк за военный объект и не нанес по нему удар — визг стальной машины, взрыв, и все погрузилось в забвение.

Когда тем вечером Фрита пришла на маяк, все кругом поглотило море, ворвавшееся сквозь разрушенные стены. Ничто теперь не нарушало полный одиночества и уныния пейзаж. Птицы с болот уже не прилетали, был слышен лишь плач круживших чаек.

*Перевод с английского
Ксении КИРИЧЕНКО*